

Кошарная Светлана Алексеевна

ВАРИАТИВНОСТЬ И СИНОНИМИЯ В РЕГИОЛЕКТЕ БЕЛГОРОДЧИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ)

Целью настоящей работы является анализ лексических вариантов и синонимов в группе белгородских ландшафтных регионимов, характеризующих рельеф местности. Анализ языковых фактов выявляет региональную маркированность лексики, входящей в тематическую группу "Рельеф", и маргинальность белгородской речи как особого южнорусского региолекта, что проявляется на всех уровнях языка и находит отражение в фактах вариативности, прежде всего фонетической и семантической, и синонимии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 109-113. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Доброва Т. Е.** Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004. 18 с.
5. **Качалова Н. А.** Прагмастилистические средства выражения намека в политическом дискурсе (на материале русско-язычной и немецкоязычной прессы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2013. 23 с.
6. **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5. С. 462-470.
7. **Кузьменкова Ю. Б.** От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 316 с.
8. **Поспелова А. Г.** Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики / отв. ред. В. В. Бурлакова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 141-153.
9. **Шатуновский И. Б.** 6 способов косвенного выражения смысла [Электронный ресурс] // Труды международной конференции «Диалог-2004». URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Shatunovskij.htm> (дата обращения: 27.02.2016).
10. **Шляхов В. И., Саакян Л. Н., Толстова Н. Н.** Иносказания в русском речевом взаимодействии. М.: Русский язык. Курсы, 2014. 187 с.
11. **Ahern C.** Thanks for the Memories. London: Harper, 2008. 489 p.
12. **Binchy M.** A Week in Winter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1128052/> (дата обращения: 27.02.2016).
13. **Goldsmith O.** Dumping Billy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epubbud.com/read.php?g=GHRAD5NR> (дата обращения: 27.02.2016).
14. **Howatch S.** The Heartbreaker. London: Time Warner Books, 2003. 616 p.
15. **Keyes M.** Angels. London: Penguin Books, 2012. 481 p.
16. **Picoult J.** Nineteen Minutes. London: Hodder, 2007. 568 p.
17. **Stimson T.** The Adultery Club. London: Pan Books, 2007. 390 p.
18. **Wickham M.** The Wedding Girl. London: Black Swan, 2010. 365 p.
19. **Wolff I.** Forget Me Not [Электронный ресурс]. URL: <https://bookmate.com/books/rxwF9mz3> (дата обращения: 27.02.2016).
20. **Wolff I.** The Making of Minty Malone [Электронный ресурс]. URL: <https://bookmate.com/books/jDOEusHY> (дата обращения: 27.02.2016).

PRAGMATIC RANGE OF HINTS IN ENGLISH COMMUNICATION

Kondrashova (Koz'mina) Vera Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Pospelova Aleksandra Georgievna, Doctor in Philology, Associate Professor

Saint Petersburg University

verkon1917@mail.ru; secondminute@mail.ru

The article is devoted to the functioning of regular and genuine hints in English communication. It is suggested to consider a change of communicative attitude as one of the indicators of genuine hints. Attitudes can be interpersonal and non-personal. The causes and aims of using hints were revealed, linguistic means and the types of the addressee's reactions were analyzed. As the study has shown, hints are the most frequently used to express indirect aggression and inducement to action.

Key words and phrases: pragma-linguistics; theory of speech communication; hint and its varieties; speaker's communicative attitude; reproach; face-work.

УДК 81

Целью настоящей работы является анализ лексических вариантов и синонимов в группе белгородских ландшафтных регионимов, характеризующих рельеф местности. Анализ языковых фактов выявляет региональную маркированность лексики, входящей в тематическую группу «Рельеф», и маргинальность белгородской речи как особого южнорусского региолекта, что проявляется на всех уровнях языка и находит отражение в фактах вариативности, прежде всего фонетической и семантической, и синонимии.

Ключевые слова и фразы: белгородские говоры; диалект; региолект; регионим; вариант; синоним; лексическая семантика; ландшафтная лексика.

Кошарная Светлана Алексеевна, д. филол. н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

fotonija@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ И СИНОНИМИЯ В РЕГИОЛЕКТЕ БЕЛГОРОДЧИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-14-31002 (региональный конкурс) «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».

Изучение модификаций слов и их системных взаимосвязей в пределах родственных говоров позволяет исследовать реально взаимодействующие единицы в едином, порою сложно организованном, языковом

пространстве, и лексика белгородских говоров является в этом ключе благодатным материалом для подобных исследований, поскольку, с одной стороны, область являет собой пограничье с Украиной, чем объясняется факт многочисленных лексических заимствований, а с другой – здесь сохраняется значительный пласт архаики. При этом диалектный словарь Белгородчины на сегодняшний день остается малоисследованным. Всё это обуславливает необходимость системного анализа регионального языкового материала с выявлением общих тенденций в функционировании говоров Белогорья, дифференциацией диалектизмов и регионимов, диалектизмов и непосредственных заимствований из украинского, бытующих на территории области.

И здесь невозможно обойтись без обращения к понятию региолекта, который, вслед за А. С. Гердом, понимается в трудах отечественных исследователей как некое вторичное по отношению к диалекту образование: «на смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [1, с. 24].

На наш взгляд, региолект как некий «промежуточный идиом» в триединстве «литературный язык – региолект – диалект» [10, с. 32] представляет собой более сложный феномен, нежели «более продвинутая версия» диалекта. Безусловно, в отношении региолекта важным являются и ареальный критерий, и дистанционность от литературного языка. Но прежде всего региолект – это особый словарь региона, понимаемого как административная территориальная единица (в нашем случае речь идет о Белгородской области), поскольку сама история возникновения каждой такой территории уже детерминирует особенности языка данной местности. В частности, белгородский региолект как объединенное языковое пространство, во-первых, возник на стыке разноязычных территорий (Россия и Украина), а во-вторых, в процессе своего развития соотносим с различными административно-территориальными центрами (Харьков, Курск, Воронеж), и в силу этого отмечен разноязыковыми и междиалектными чертами, представляя собой уникальную разновидность местной речи.

При этом принцип ареального единства детерминирует объединение в составе данного региолекта фактов народной речи, функционирующих в пределах границ региона повсеместно (не только по пограничью с Украиной или на границе Белгородской и Курской, Белгородской и Воронежской областей). Все прочие единицы, не удовлетворяющие данному – ареальному – критерию, должны быть отнесены к диалектным или полудиалектным (полудиалект традиционно трактуется нами как разновидность местного городского просторечия). Таким образом, региолект репрезентирован территориально (ареально) маркированной лексикой, функционирующей на всей территории региона. Исходя из этого, *регионимы* – в нашем понимании – это слова, известные жителям всех 16 районов Белгородской области с учетом явления вариативности, то есть «регионим» есть элемент особой единицы диалектного членения – региолекта, более крупной единицы, нежели диалект, но более ограниченной в территориальном отношении, нежели группа говоров.

Данная разновидность народной речи представляет не меньший интерес, чем собственно диалекты, и ждет своего научного описания: практически не установлены критерии вычленения регионимов, не описаны их отдельные тематические группы, нет системного описания словообразовательных и морфологических особенностей данных единиц, явления вариативности, системных отношений внутри региолекта и т.д.

Целью настоящей работы является анализ лексических вариантов и синонимов в группе белгородских ландшафтных регионимов, характеризующих рельеф местности. В данную группу наименований вошли следующие лексемы: *бережійна, бугор, бугорчик, верх (вёрничек, верховье), вершіна, выгон, гора, залужье, заполье, кольявіна, крэйда, круча (кряча), куліга, лощина (лашийна), левáда, лог, луг, матерік, ніжник, низіна (нызына), облога, обрыв, овраг, отлог, падіна, панисок, плесо, понізь, равчок (ривчак), сугрєв, сумєт, яр, ярок*. В пределах небольшой работы нами будут рассмотрены наиболее яркие в иллюстративном отношении языковые факты.

Отметим, что из почти пятидесяти ландшафтных наименований, включенных в картотеку белгородских говоров кафедры филологии НИУ «БелГУ», около половины составляют регионимы, функционирующие во всех районах области, что, помимо прочего, свидетельствует о единообразии рельефа Белгородчины. Причем наиболее распространенными являются лексемы, номинирующие небольшие перепады в рельефе и впадины – овраги, холмы, бугры и т.п. Такое распределение обусловлено тем, что на территории области нет больших возвышенностей, гор в общепринятом понимании, однако местность в целом характеризуется разновысотностью рельефа. Внутри тематической группы ландшафтных номинант выделяются подгруппы слов, обозначающих возвышенности, впадины и равнинные территории.

Так, географический термин *бугор* служит **наименованием возвышенного места** вообще: «*Мы вот на бугор наднимемся*». Ареальная дистрибуция семантических различий лексемы *бугор* на сегодняшний день не имеет строго очерченных границ, что, возможно, связано с процессами миграции населения. По нашим наблюдениям, наиболее широким ареалом распространения на территории белгородских говоров отличается значение ‘значительная возвышенность’ (Белгород., Шебекин., Яковл., Губк., Старооск., Чернян. и др. районы). В целом можно говорить о полисемии данного слова или о явлении семантической вариативности, учитывая, что в некоторых населенных пунктах указанная номинанта обретает, помимо общерегионального: 1. Возвышенность. /*За бугором там*// (Красненск., Ровенск., Старооскол., Чернянск., Шебекинск. и др.), – более узкое значение: 2. местн. Ягодное место, ягодная поляна на возвышенности. /*Пал'ана там јагадна/ бугор зав'ом*// (с. Славянка, Чернянский район). В валуйских говорах употребляется производный от лексемы *бугор* синонимичный географический термин *бугорчик* – ‘холм’ («*Тика на бугорчик выхадю*»).

Региональным синонимом-дублетом к слову *бугор* в региолекте Белогорья является апеллятив *верх*. Термины от корня **vr̥s-* и, прежде всего, географическая лексема *верх* неоднократно исследовались в ареально-семасиологическом и этимологическом аспектах. Лексема *верх* и производные от нее встречаются практически

на всей территории русских народных говоров. Наиболее обстоятельно проанализировал слово *верх* Н. И. Толстой, назвав его «орловско-курским географическим термином» [9, с. 101].

При этом данная лексема является производной для целого ряда однокоренных синонимов, бытующих на территории области: *верхóвье* – ‘возвышенность, верх’ (напр., «*На верховье тяжёло взбирацца*» (Волоконовка)); *вершина* (напр., «*Мы на вершине той гары сена кадай-та касили*» (с. Выезжее Ивнянского района)). Представляет интерес диалектный синоним *вёрничек* – ‘вершина холма, горы’ (Яковлевский район). Данное слово не имеет аналога в литературном языке, отсутствует в словаре В. И. Даля и в «Словаре русских народных говоров», однако этимологическая связь с корнем *верх-* находит отражение в семантике данной лексемы.

Кодифицированная лексема *гора* – ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей’ [8, т. 1, с. 331] в белгородском региолекте имеет семантический вариант со значением ‘всякое возвышенное место’, функционирующий наряду с литературным, последний закрепляется и в местной микротопонимике: «*Иди ат Холодной гары к луу*» (с. Теплое Борисовского района).

Возвышенность искусственного происхождения имеет в региолекте наименование *вал* (напр., *ва́л* – ограда в виде земляного вала из глины или кирпичей (с. Волотово, Чернянский р-н) и подоб.). Широкая распространенность данного слова в области связана с историей её заселения: в XVI веке здесь было начато сооружение Белгородской засечной черты, на которой были основаны города-крепости, окруженные рвами и валами.

Целым рядом номинаций представлен в речи жителей Белогорья «отрицательный» рельеф: *низи́на*, *ни́жник*, *пади́на* и др. Для нас представляют интерес прежде всего регионально маркированные лексемы. Так, слово *низина* – ‘низменное место’ – является элементом общенародного языка, однако в ряде белгородских говоров (чернянские, краснояржские, губкинские, новооскольские, старооскольские) данная лексема функционирует в виде фонетического варианта *нызы́на* (напр., «*У нызыни высноу вада стоить*» (Краснояржский район)), что можно объяснить украинским влиянием. Однокоренные синонимы: *нижник*, *понизь* – функционируют в центральных районах области. При этом лексема *понизь*, зафиксированная в Яковлевском районе в значении ‘подножье возвышенности’, имеет в некоторых русских говорах (в т.ч. донских) словообразовательные варианты *поднизь* и *поднизье* [3, с. 97]. Можно сделать вывод, что диалектное наименование подножия горы в белгородских говорах можно условно отнести к регионимам, поскольку оно характерно целому ряду говоров южновеликорусского наречия.

Значения ‘низкое место’, ‘яма, впадина’ реализует в белгородских говорах апеллятив *лощи́на*. Составителями четырехтомного Словаря русского языка лексема *лощина* признается единицей литературного языка и определяется как ‘овраг с пологими склонами’ [8, т. 2, с. 202]. Эта лексема обнаруживает достаточно широкую семантическую вариативность в белгородских говорах: ‘низкое место’, ‘яма, впадина’, ‘поле на низком месте’ – и соотносится с большим количеством географических значений. Так, данный номинатив употребляется на территории Волоконовского района в значении ‘поле на низком месте’. Наиболее близким по семантике к общенародной лексеме является диалектизм, функционирующий в Яковлевском районе, в значении ‘овраг’. Что касается прочих говоров Белогорья, то здесь слово имеет более общую семантику ‘низкое место, впадина’, тогда как литературное значение является в большей степени конкретизированным. На территории Белгородского, Чернянского и некоторых других районов употребляется фонетический вариант лексемы *лощина* – *лаши́йна*: «*У лашийнах снеу долу не таить*». Данный вариант обусловлен характером произношения в некоторых белгородских говорах шипящего (долгого твердого на месте долгого мягкого шипящего согласного). В целом же совокупность представленных вариантов данного слова охватывает все районы области, что позволяет отнести данную номинацию к числу регионимов.

В значении ‘овраг’, помимо общерусского слова *овраг*, в белгородских говорах употребляются фонетически вариантные по отношению друг к другу номинанты *равчо́к* и *ривча́к*. Оба варианта являются суффиксальными производными от слова *ров*. В словаре литературного языка номинанта *ров* определяется как ‘глубокая канава, длинное углубление, вырытое в земле’ [Там же, т. 3, с. 721]. Таким образом, в общенародном языке акцент сделан на искусственном происхождении углубления, в то время как в белгородских говорах производные лексемы служат обозначением углублений, появившихся естественным путем в результате разрушения почв водными потоками. При этом фонетический вариант *ривча́к* возникает под влиянием украинского языка (ср. укр. *ривча́к* – ‘небольшой ров’), что обусловлено территориальной близостью с Украиной и проживанием на территории области большого количества малороссов: «*Пэрва ульця пастроилась кола рифчика*» (Ракитянский район). Заимствование, по всей видимости, послужило основой для варианта *равчо́к*, который можно трактовать как кальку с украинского.

Широким ареалом распространения отличается апеллятив *яр* (он отмечен в районах, не соседствующих друг с другом – Корочанском, Ровеньском, Грайворонском, Белгородском и др., в говорах смешанного типа и в «чистых» южнорусских диалектах Белогорья, что позволяет отнести данную лексему к регионимам), напр. «*Внучок та мой у яр пабеу*» (с. Славянка, Чернянский район). Данная лексема на территории Белгородчины функционирует в значении, известном литературному языку, – ‘овраг, лощина’ [Там же, т. 4, с. 783]. Однокоренным синонимом-дублетом к слову *яр* выступает в белгородском региолекте номинация *яруга*. Примечательно, что актуальность данной лексемы для региона проявляется в образовании целого ряда топонимов – названий населенных пунктов: *Красная Яруга*, *Большая Яруга*, *Долгая Яруга*, *Проезжая Яруга* и др. В то же время в белгородских говорах практически повсеместно употребляется суффиксальное производное *яро́к* (достаточно назвать отстоящие друг от друга Шебекинский и Чернянский

районы, чтобы говорить о значительности ареала его распространения), однако следует заметить, что в Шебекинском районе лексема неоднократно зафиксирована в значении 'высокое место', что требует дальнейших наблюдений над местной речью и научного осмысления данного факта, но уже позволяет предположить здесь разошедшуюся полисемию с развитием антонимического значения.

Также представляет интерес географический диалектизм *кольявина*, отмеченный в Корочанском районе в значении 'рытвина'. Данное наименование отсутствует в привлеченных к исследованию словарях, однако внешний облик лексемы позволяет предположить её производство от корня *кол-* ('круглый', ср. *коло*, *колесо*) и, соответственно, родство со словом *коля*, ср.: КОЛБЯ, и, ж. Коля. *Что не по колье-то едешь?* Волог., 1866. Пск., Орл., Котков [с примеч. «редко»] [6, с. 217]. Налицо и морфемное сходство диалектного *кольявина* с общерусским *рытвина*: обе лексемы образованы при помощи суффикса *-ин-* со значением единичности объекта. Можно говорить и о дублетной синонимии общерус. *коля* и диалект. *кольявина* в системе говора.

В двух значениях: 1. 'обрыв' (тождественно литературному) и 2. 'овраг': (напр., «*За селом была круча*» (Новооскольский район)) – функционирует на территории Белгородской области слово *круча*. Отметим, что на территории русских и украинских говоров широко представлены географические названия с корнем *крут-* (ср. пск. *крутик*, *круча* 'крутой склон', твер. *крутик* 'крутая гора', орл. *крутец* 'возвышенность с крутыми склонами', *круча* 'крутой стеной', *круча*, *кручка* 'овраг с крутыми склонами', кстрм. *крутик* 'крутой берег реки', укр. *круча* 'крутой склон горы', 'пропасть', 'крутой берег', 'возвышенность', 'глубокое место в реке', 'лес' [4, с. 334]), в словаре литературного языка имеется лексема *круча* (даётся без помет) – 'крутой спуск, обрыв, крутое место' [8, т. 2, с. 140]. Думается, второе значение слова, характерное белгородским говорам, можно считать региолектным, учитывая широту его распространения и в то же время отличие от литературного эквивалента. Кроме того, на территории Ровеньского района употребляется фонетический вариант данного слова – *крюча*: «*За крЮчей была пасека*».

В значениях 'сухой овраг' и 'долина, балка, овраг' функционирует в белгородских говорах апеллятив *лог*. Оба значения сходны с литературным, ср. общенар. 'широкий, значительной длины овраг с отлогими склонами' [Там же, с. 195].

В меньшей степени региолекту Белогорья характерны **наименования равнин**, что обусловлено экстралингвистически.

Из представленных в анализируемой картотеке единиц в качестве иллюстрации рассмотрим, в частности, лексему *кулига*. Данная номинанта зафиксирована в Старооскольском районе Белгородской области в двух значениях: 'ровное место' и 'безлесное место'. Слово отмечено Словарем русских народных говоров, но с иной семантикой ('нов, раскорчеванное место', 'небольшой луг на острове, мысок', 'отдаленная полоска леса, поля', 'участок земли, угодье' и т.д.) [5, с. 60-64]. В то же время словарь В. И. Даля зафиксировал оба значения, без указания территориальных границ: 'ровное место, чистое и безлесное' [2, с. 116], из чего проистекает возможность его регионального статуса при условии фиксации данного слова и в других районах области.

Наличием семантических вариантов отличается ландшафтный регионим *лывада*: «*Пашли на лываду траву касить*» (Белгородск.). Данная лексема имеет широкое распространение по русским говорам в целом: олон. 'низкое, топкое, заливаемое водой место', томск. 'низина, покрытая водой', зап.-сиб. 'низкое место на равнине', томск. 'лужа' [7, с. 41]. В говорах Белогорья слово проявляет многозначность (ср.: *лывада* (с отражением иканья) – 'огороженный участок земли около хаты' (Шебекинский р-н), *лывада* – 'загон возле крестьянской усадьбы' (Чернянский р-н)), *лывада* – 'низина, которую заливают водой' (Белгородск. р-н и др.). Отметим, что фонетический вариант *лывада*, обусловленный влиянием украинских говоров, достаточно широко употребителен в белгородских говорах. Причем здесь нередко выявляется дополнительный – конкретизирующий – оттенок значения 'заливной луг': «*Паслы мы каров на лывади*» (Прохоровский район).

В целом можно отметить значительную самостоятельность белгородской региональной лексики, входящей в тематическую группу «Рельеф», и маргинальность белгородской речи как особого южнорусского региолекта, что проявляется на всех уровнях языка и находит отражение, помимо прочего, в фактах вариативности, прежде всего фонетической и семантической, а также в области синонимии. Так, в ряду регионимов, характеризующих ландшафт области, выявляются пары фонетических вариантов: *лывада* – *левада*, *нызы на* – *низина*, *глы нище* – *глинище* ('место добычи глины; яма, из которой добывают глину', ср. *глина*), *верх* – *вэрх* ('вершина') и др.; влияние украинского языка обнаруживаем в таких фактах, как *ривчак* (ср. укр.: *ривчак* от *рів* – 'ров') и др., что обусловлено экстралингвистически (соседство с Украиной, миграционные процессы); значительное число лексем отличается от общенародных эквивалентов семантическим наполнением (семантические диалектизмы): *балка* – 'низкое, высохшее русло реки'; *верховье* – 'возвышенность' и др.

Лексико-семантические варианты составили самую объемную группу в ряду всех вариантных наименований природных объектов. Можно считать, что здесь в наибольшей степени проявляется местная специфика, обусловленная объективными причинами – территориальными особенностями природной среды региона.

Достаточно много в исследуемом материале номинант, которые оказались собственно лексическими диалектизмами (не обнаруживают соответствий в литературном языке и в других говорах): *верничек* – 'вершина холма, горы'; *кольявина* – 'рытвина' и др.

В то же время можно утверждать, что на территории Белгородчины преобладают общерусские лексемы (*бугор*, *овраг*, *круча* и т.д.), из чего следует вывод о том, что белгородские говоры развиваются в общерусском русле, что не исключает присутствия в речи белгородцев особого пласта лексики, позволяющего говорить о существовании белгородского региолекта.

Список литературы

1. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. И – О. 779 с.
3. Словарь русских народных говоров / сост. Н. А. Романова, А. Ф. Марецкая, Н. В. Попова и др. СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. Подель – Покороче. 433 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, И. А. Попов, Н. В. Попова. Л.: Наука, 1979. Вып. 15. Кортусы – Куделюшки. 400 с.
5. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, Л. И. Балахонова, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая и др. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. Куделя – Лесной. 376 с.
6. Словарь русских народных говоров / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Н. Этерлей, П. И. Павленко, О. Г. Порохова. Л.: Наука, 1978. Вып. 14. Кобзарик – Корточки. 376 с.
7. Словарь русских народных говоров / сост. П. И. Павленко, Н. И. Андреева-Васина, О. Д. Кузнецова и др. Л.: Наука, 1981. Вып. 17. Леснокаменный – Масленичать. 384 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. 702 с.; Т. 2. К – О. 736 с.; Т. 3. П – Р. 750 с.; Т. 4. С – Я. 797 с.
9. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.
10. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 32-36.

**VARIABILITY AND SYNONYMY IN REGIONAL DIALECT OF BELGOROD AREA
(BY THE MATERIAL OF LANDSCAPE VOCABULARY)**

Kosharnaya Svetlana Alekseevna, Doctor in Philology
Belgorod State National Research University
fotonija@mail.ru

The aim of this work is the analysis of lexical variants and synonyms in the group of Belgorod landscape regionyms characterizing the relief of the territory. The analysis of linguistic facts reveals the regional markedness of the vocabulary included in the thematic group "Relief" and the marginality of Belgorod speech as a special South-Russian regional dialect that manifests itself at all the levels of the language, and is represented in the facts of variability, primarily phonetic and semantic, and synonymy.

Key words and phrases: Belgorod dialects; dialect; regional dialect; regionym; variant; synonym; lexical semantics; landscape vocabulary.

УДК 800.732:82-1:882

Статья посвящена рассмотрению грамматических категорий в продуцировании вторичной номинации. Говорящий использует коммуникативную стратегию эвфемизации для вуалирования отрицательных сторон денотата. Осознавая негативную оценку денотата, говорящий использует вторичную номинацию для сглаживания отрицательного эффекта от речевого произведения. Различие между эвфемией и криптолалией определяется с учетом широких особенностей коммуникации и коммуникативной ситуации.

Ключевые слова и фразы: эвфемизация; коннотация; фоновые знания; денотат; пресуппозиция; криптолалия.

Куликова Элла Германовна, д. филол. н., профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
И ПРОДУЦИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ**

Не всегда понятие эвфемии единообразно толкуется в науке о языке. Распространенным является понимание эвфемизма в качестве слова или выражения, которое в определенных коммуникативных условиях может заменять нежелательные, невежливые, грубые, с точки зрения говорящего, обозначения. При более узком подходе в качестве эвфемизма понимается слово или выражение, которое заменяет табуированные, «запрещенные» единицы. Эвфемизация тесно связана с номинацией. По мнению Л. А. Брусенской [2-4] – это один из трех кардинальных процессов, в результате которых формируется речевая деятельность (два другие – оценка и предикация), потому что предметы, которые по этическим, психологическим или культурно-историческим причинам нельзя назвать прямо, получают эвфемистическое переименование. Актуальной при этом остается задача «узнавания» эвфемизмов на основе пресуппозиции (фоновой информации). Если у адресата отсутствуют необходимые фоновые знания, метонимический по своей природе эвфемизм может полностью замаскировать денотат. Эвфемизмы и могут использоваться для того, чтобы вуалировать отрицательные стороны денотата. Нередко эвфемизмы имеют специальные паралингвистически маркированные элементы в тексте – могут выделяться кавычками или другими полиграфическими средствами – курсивом, разрядкой, они могут вводиться комментариями или оговорками типа *другими словами*,